

DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2267](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2267)

А. В. Андрееenkova, Е. В. Андрееenkova

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СТУДЕНЧЕСТВО — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ

Правильная ссылка на статью:

Андрееenkova А. В., Андрееenkova Е. В. Влияние пандемии коронавируса на студенчество — сравнительный межстрановой анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 195—220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2267>.

For citation:

Andreenkova A. V., Andreenkova E. V. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on University Students in Russia and Other Countries — Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 195—220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2267>. (In Russ.)

Получено: 30.06.2022. Принято к публикации: 07.11.2022.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СТУДЕНЧЕСТВО — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

АНДРЕЕНКОВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, исследователь, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

*E-MAIL: aandreenkova@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4328-2904>*

Аннотация. Студенческая молодежь стала одной из наиболее уязвимых социальных групп в период пандемии COVID-19. Исследователи уже отмечали ее влияние на душевное здоровье и самочувствие студентов, их успеваемость, социальные связи. Для комплексного анализа эффектов пандемии, включая контекстуальные, учебные, поведенческие и эмоциональные показатели, использовались данные «Международного опроса о благополучии студентов во время коронавируса» ISWS-МОСК, проведенного в 25 странах в апреле — мае 2020 г. Из общенациональной выборки студентов в России в анализ включены только студенты вузов Москвы и Санкт-Петербурга, где влияние COVID-19 в первую волну проявилось наиболее сильно.

Исследование показало, что последствия пандемии имеют многовекторный характер и затрагивают почти все

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON UNIVERSITY STUDENTS IN RUSSIA AND OTHER COUNTRIES — COMPARATIVE ANALYSIS

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

Elena V. ANDREENKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

*E-MAIL: aandreenkova@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4328-2904>*

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia

Abstract. During the COVID-19 pandemic, university students appeared as one of the most vulnerable social groups. Researchers registered the pandemic's impact on mental health, psychological well-being, academic results and social ties. We aimed to consider a broad range of indicators and domains to identify common and specific impacts of the pandemic on university students in different countries using the “International Student Well-Being Survey” data conducted in 25 countries in April–May 2020.

The analysis showed that the impact of the pandemic is multi-dimensional, affecting different aspects of the student's life. Still, it had the most significant effect on the perception and evaluation of study workload, quality of education, clarity of requirements and expectations of academic tasks, social ties, financial situation and socio-psychological well-being. The impact of the pandemic

стороны жизни студентов. Наиболее значительные изменения коснулись восприятия учебного процесса — учебной нагрузки, качества обучения, понимания задач, требований и стандартов обучения, а также социальных связей, материального положения и социально-психологического самочувствия. Разные социальные группы подвергались давлению пандемии неодинаково. В России ее воздействие было более серьезным для девушек, чем для юношей, особенно в отношении социально-психологического состояния, материального положения, жилищных условий и социальных связей. Девушки в меньшей степени, чем юноши использовали компенсаторные практики, связанные с употреблением табачной продукции и алкоголя. Пандемия оказала более существенное влияние на малообеспеченные группы, чем на студентов со средним и высоким доходом, еще больше усилив материальное неравенство внутри студенческого сообщества.

Социальные последствия пандемии для студентов в разных странах схожи по типу и характеру, однако масштаб и глубина этого влияния различаются. Россия была отнесена к группе стран с относительно умеренным влиянием пандемии на жизнь студентов. Среди причин межстрановых различий значимость эпидемиологических факторов и длительности карантинных мер оказалась невелика. Наиболее важными буферами, которые позволили смягчить социальные последствия пандемии даже в условиях серьезной эпидемиологической угрозы, стали доверие государственным и политическим институтам, системе здравоохранения, общий уровень психологического благополучия в стране.

was not equal for different social groups. In Russia, women were affected stronger than men in psychological well-being, financial impact, housing conditions, and social ties. Women less than men used compensatory practices such as consuming tobacco products or alcohol. The low-income student group was impacted more potent than their more well-off classmates leading to an even further increase of inequality among the student community.

The social impact of the pandemic on students in different countries was similar by type and direction, but the impact's scope and strength varied. Russia belongs to the group of countries with a relatively modern pandemic effect on student's life. The analysis of reasons and factors driving cross-national differences in the pandemic impact at the macro cross-national level revealed that the actual epidemiological situation and the duration of the lockdown had a relatively small effect. The most significant factors mitigating the negative social consequences of the pandemic, even under severe epidemiological threats, were trust in government and political institutions, the healthcare system and the general level of psychological well-being in the country.

Ключевые слова: социальные последствия COVID-19, студенческая молодежь, сравнительный анализ, гендерное неравенство, экономическое неравенство, социально-психологическое благополучие, условия жизни студентов

Keywords: social impact of COVID-19, students, comparative analysis, gender inequality, economic inequality, socio-psychological wellbeing, living conditions of students

Распространение COVID-19, признанное пандемией из-за своего продолжительного характера и общемирового охвата, оказало влияние на жизнь людей в большинстве стран мира. К концу первой волны коронавируса в июле 2020 г. случаи COVID-19 были зарегистрированы в 217 странах и территориях, заражение было выявлено у 17,1 млн человек и унесло 668 тыс. жизней¹. В этот период наибольшее распространение вирус получил на американском континенте (9,15 млн подтвержденных случаев), за ним следовали Европа (3,31 млн), Юго-Восточная Азия (2 млн), Ближний Восток (1,53 млн). Для борьбы с пандемией были приняты беспрецедентные ограничительные меры, которые имели самостоятельное влияние и последствия [Торкунов и др., 2021]. В большинстве стран вводились законодательные требования по использованию средств индивидуальной защиты, социальному дистанцированию, закрытию или ограничению межстрановых передвижений. В некоторых странах, в том числе и в России, меры были еще более серьезными — закрыты учреждения сферы услуг, развлечений, сферы торговли, ограничена мобильность между городами внутри страны, на некоторое время введен полный локдаун.

Влияние пандемии на разные социальные группы оказалось неодинаковым. Исследования показали существование значительных различий в отношении опыта и последствий COVID-19 между возрастными, социально-экономическими и гендерными группами [Spagnolo, Manson, Joffe, 2020; Chen et al., 2020]. Одной из наиболее затронутых пандемией групп стала студенческая молодежь. По данным ЮНЕСКО, в конце марта 2020 г. для очного обучения были закрыты школы и вузы в 169 странах, что повлияло на 84 % всех студентов в мире². Во многих странах, в том числе в России, студенты были переведены на дистанционное обучение, определенные типы занятий (практические, лабораторные) — отложены, прекращена деятельность внеучебных организаций и групп, ограничено пространственное перемещение, закрыты некоторые общежития. В России наиболее строго и полно ограничения были введены в вузах Москвы, более мягко — в других городах.

Студенчество как социальная группа характеризуется особыми жизненными целями и образом жизни. На этом этапе главными целями являются получение общих и профессиональных знаний, квалификации; социальное взросление —

¹ Coronavirus Disease (COVID-19): Situation Report, 193 // World Health Organization. 2020. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200731-covid-19-sitrep-193.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).

² UNESCO. Education: From Disruption to Recovery // UNESCO. 2021. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 15.11.2022).

накопление социального опыта, социальная ориентация, приобретение социального капитала; общение и социальные связи, поиск партнера, построение семьи. Для студенческой молодежи физиологические риски эпидемии, течение болезни и влияние на здоровье в целом слабее, чем для более старших возрастных групп. Однако социальные последствия эпидемии оказались очень глубоки. Ранний период взрослости — формирующий для профессиональной, семейной, социальной жизни человека, он влияет на дальнейшее личностное развитие, здоровье и личное благополучие [Ананьев, 2001]. В результате студенческая молодежь стала одной из наиболее уязвимых социальных групп в период пандемии.

Изучение влияния пандемии на студенчество в мире

Начиная с первой волны пандемии студенческая молодежь стала одним из центральных объектов социологических, социально-психологических и методико-педагогических исследований. Основное внимание было сосредоточено на двух аспектах: влиянии пандемии на душевное состояние студентов, их психическое здоровье [Zimmermann, Bledsoe, Papa, 2021; Son et al., 2020] и на ускорение цифровизации и реформирования системы высшего образования, развитие дистанционного обучения [Gonzalez et al., 2020; Nenko, Kybalna, Snisarenko, 2020; Алешковский и др., 2021; Андрееenkova, Дмитриева, Носкова, 2022]. Так как эта ситуация имела глобальный и синхронный для многих стран мира характер, исследования последствий пандемии также приобрели всемирный охват. Первые работы о воздействии карантинных мер на население в целом и на студенческую молодежь в частности были сделаны в Китае [Zhai, Du, 2020; Gao, Ping, Liu, 2020; Dong, Vouey, 2020], но через короткое время подключились страны практически на всех континентах.

Уже самые первые исследования показали, что пандемия и карантинные меры оказывают существенное воздействие на душевное здоровье студентов. Во всех изучаемых странах вырос уровень тревожности, одиночества и депрессии [Tasso, Hisli Sahin, San Roman, 2021; Гут и др., 2021]. Тревожность и посттравматический синдром у студентов развивались быстрее, чем у других групп — преподавателей и населения в целом [Bonsaksen et al., 2022; Birmingham, 2021], хотя прямое влияние пандемии на здоровье студентов, а также страхи по поводу своего здоровья — ниже. Причины серьезных последствий пандемии в отношении социально-психологического состояния студентов пока только начинают изучаться. Среди гипотез — усложнение требований к учебе, изменение привычных социальных ролей, нестабильность образовательного и профессионального будущего. Было выдвинуто предположение, что степень воздействия пандемии на студентов зависит не только и не столько от эпидемиологической ситуации в стране, сколько от социальных и экономических условий, в которых они живут [Cao et al., 2020]. Исследователи отмечали изменения, произошедшие в социальных контактах студентов, частоте, качестве и способах общения [Elmer, Mepham, Stadtfeld, 2020; Андрееenkova, 2020], в образовательном процессе, использовании учебного времени, взаимодействии с преподавателями и с сокурсниками [Alawamleh, Al-Twait, Al-Saht, 2022].

Помимо аккумуляции данных о последствиях пандемии для студенческой молодежи в отдельных странах, было проведено несколько сравнительных межстрано-

вых исследований, которые позволили оценить влияние социетальных, организационных и коммуникативных факторов на смягчение или, напротив, усугубление последствий пандемии для студентов на страновом и институциональном уровне [Aristovnik et al., 2020; Galasso et al., 2020; Ochnik et al., 2021].

Метод исследования комплексного воздействия пандемии на жизнь студенческой молодежи

В этом исследовании была поставлена цель проследить межстрановые различия в воздействии пандемии на жизнь студентов, выявить ее основные социальные последствия в контекстуальном (условия жизни), поведенческом и эмоциональном аспектах. Для достижения поставленной цели использовались эмпирические данные «Международного опроса о благополучии студентов во время коронавируса» (ISWS)³. Опрос был проведен в 25 странах (Западной и Восточной Европе, в России, Израиле, Турции, Канаде и ЮАР) во время первой волны эпидемии в апреле — мае 2020 г. Инициатором и координатором опроса выступил консорциум университетов Бельгии [van de Velde et al., 2021]. Анкета была разработана международным научным коллективом под руководством группы из Университета Антверпена (S. Van de Velde, V. Buffel, E. Wouters) и переведена на все языки стран-участниц. Метод сбора данных во всех странах — компьютеризированный онлайн-опрос среди студентов очных форм обучения высших учебных заведений всех уровней — бакалавриат, магистратура, аспирантура. Выборка в некоторых странах состояла из студентов одного или двух крупнейших университетов страны, в некоторых странах включала несколько вузов или национальный опрос студентов. Размер выборки в разных странах колеблется в широком диапазоне от 275 до 21270 респондентов. В России опрос был проведен ЦЕССИ (Институтом сравнительных социальных исследований) по национальной выборке студенческой молодежи и на расширенной выборке в четырех вузах Москвы и Санкт-Петербурга, общий размер составил 2700 респондентов⁴. В России для анализа использовалась подвыборка студентов Москвы и Санкт-Петербурга (2125 респондентов до процедуры взвешивания). Такой подход использовался для того, чтобы увеличить сравнимость выборок разных стран (в большинстве стран в выборку были включены только один или два города — чаще всего столица и следующий крупнейший город), а также чтобы сократить внутристрановую дисперсию — различия в эпидемиологической ситуации и карантинных мерах в разных регионах России были очень велики. Для проведения сравнительного анализа между странами применена процедура взвешивания данных, с помощью которой размер выборки в каждой стране был приведен к одинаковой величине — 1000 респондентов.

В качестве основы для комплексного сравнительного анализа влияния пандемии на студенчество использовалась эмоционально-поведенческая модель социального воздействия COVID-19 на студенческую молодежь, разработанная авторами (см. рис. 1). Компонентами модели являются внешние факторы воз-

³ ISWS — International student wellbeing survey.

⁴ Более подробную информацию о проекте см.: <https://www.cessi.ru/opros-studentov-coronaviruse>.

действия — эпидемия в медицинском аспекте как фактор здоровья, ограничительные и карантинные меры, условия и образ жизни студентов до пандемии, общественная атмосфера, социальные ценности и установки на доверие, взаимопомощь; контекстуальные изменения в образе жизни студентов; реактивно-компенсаторные изменения — поведенческие и психоэмоциональные, а также общий уровень социально-психологического благополучия.

Рис. 1. Эмоционально-поведенческая модель социального воздействия эпидемии COVID-19 на студенческую молодежь

В соответствии с эмоционально-поведенческой моделью, уровень эпидемиологической опасности (измеряемый через количество заболевших, скорость распространения эпидемии, уровень смертности) и жесткость ограничительных мер влияют на глубину изменений в образе жизни студентов, воздействуя либо на отдельные стороны жизни, либо на все или почти все стороны жизни сразу. Это, в свою очередь, отражается на психоэмоциональном состоянии и поведении. Психоэмоциональная реакция зависит от глубины изменений в образе жизни и от смягчающих мер — либо компенсаторных, либо внешнего регулирования, например, от смягчения требований к учебе, организации помощи в обучении, до-

полнительных занятий со стороны вуза, а также от общего информационного фона и общественных настроений, взглядов на перспективы и будущее. Поведенческая реакция зависит от силы воздействия и культуры в области сохранения здоровья. Вся совокупность этих факторов влияет на уровень субъективного благополучия и состояние душевного здоровья студентов.

Влияние пандемии на условия и образ жизни студентов

Для анализа влияния пандемии на условия и образ жизни студентов были выделены четыре основных аспекта: учеба, условия жизни, социальные связи и здоровье, — каждый из которых описывался несколькими показателями. Результаты показали, что пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничительные и карантинные меры оказали влияние на самые разные стороны условий жизни и обучения студентов как в России, так и в других странах (см. табл. 1).

Таблица 1. Изменения в условиях и образе жизни студентов в разных регионах мира в первую волну коронавируса

	Россия (Москва, Санкт-Петербург)	Европа (20 стран)	Америка (Канада)	Ближний Восток (Израиль, Турция)	Африка (ЮАР)
УЧЕБА					
Изменение учебной нагрузки в часах (% тех, у кого количество часов на учебу стало больше во время пандемии, чем до нее)	34	28	17	23	21
Субъективная оценка изменений в учебной нагрузке (% тех, кто считает, что она увеличилась)	63	48	25	65	65
Неопределенность в учебном процессе (% согласных с утверждением «Я стал(а) меньше понимать, что я должен(на) делать по разным курсам и предметам в условиях эпидемии»)	55	55	46	66	59
Качество обучения (% тех, кто считают, что «Качество обучения стало хуже»)	47	42	39	46	37
УСЛОВИЯ ЖИЗНИ					
Вынуждены были переехать, сменить жилье во время пандемии	32	33	29	27	40

	Россия (Москва, Санкт-Петербург)	Европа (20 стран)	Америка (Канада)	Ближний Восток (Израиль, Турция)	Африка (ЮАР)
Ухудшение финансового положения (% согласившихся с утверждением «У меня достаточно средств на покрытие обычных ежедневных расходов до пандемии», но не согласились с таким утверждением в отношении периода пандемии)	36	26	27	40	46
Уменьшилось количество оплачиваемых рабочих часов (% тех, у которых количество часов, затрачиваемых на работу, во время пандемии стало меньше, чем было до пандемии)	25	25	25	21	39
СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ					
Стали меньше общаться с семьей, в % (прямой вопрос)	9	21	13	18	32
Стали меньше общаться с друзьями, в % (прямой вопрос)	48	53	46	56	61
Редко общаются с партнером, в % (видели партнера больше недели назад среди тех, у кого есть партнер)	40	23	23	41	49
ЗДОРОВЬЕ					
Переболели COVID-19 (диагноз лабораторно подтвержден или не подтвержден, в %)	7	8	6	4	3
Боятся заразиться COVID-19 (средняя по 11-балльной шкале, 0 — совсем не беспокоятся, 10 — очень беспокоятся)	4,24	3,75	3,64	4,26	4,66
Боятся, что заболеют близкие (средняя по 11-балльной шкале)	7,35	6,86	6,37	7,16	6,56

Пандемия и связанные с ней факторы затронули условия и образ жизни подавляющего большинства студентов как в России, так и в других странах мира — испытывали хотя бы одно из изменений 97 % всех студентов в выборке. Две трети студентов прошли через изменения в трех и более аспектах жизни.

Пандемия оказала значительное влияние на учебный процесс, его оценку и восприятие. Во время первой волны коронавируса студенты почувствовали увеличение учебной нагрузки. Применяя метод оценки по времени — разницы между временем, затрачиваемым на учебу до пандемии и во время пандемии, мы обнаружили увеличение учебной нагрузки у 34 % студентов Москвы и Санкт-Петербурга. По субъективным оценкам респондентов (вопрос «Насколько Вы согласны или не согласны с утверждением, что Ваша учебная нагрузка в вузе существенно увеличилась со времени эпидемии COVID-19?») увеличение затронуло почти в два раза больше студентов — 63 %. Изменение учебной нагрузки в большую сторону отмечают студенты во всех частях мира, но больше всего в России, в Восточной и Южной Европе. Причины таких различий пока не до конца ясны, но могут быть связаны с организацией учебного процесса до пандемии. Высокая доля внеаудиторных занятий — самостоятельной работы студентов и обучения в онлайн-формате — в общей структуре учебной занятости до начала пандемии позволила смягчить ее последствия. Для стран, где роль внеаудиторной работы была менее значительна, переход на дистанционный формат стал резким и болезненным.

Помимо интенсивности ситуация пандемии повлияла на качество учебного процесса и его результат. В Москве и Санкт-Петербурге более половины студентов потеряли уверенность в том, что понимают требования и свои учебные задачи (согласны с утверждением «Я стал(а) меньше понимать, что я должен(на) делать по разным курсам и предметам в условиях эпидемии COVID-19»). Около половины студентов считают, что качество их обучения ухудшилось. Такие же проблемы испытывали студенты и других регионов мира, при этом острота проблемы в целом схожа, за исключением ЮАР и Канады, где этот показатель немного ниже.

Пандемия и ограничительные меры оказали довольно серьезное влияние на жилищные условия жизни студентов и их материальное положение. Почти треть студентов в Москве и Санкт-Петербурге были вынуждены изменить свои жилищные условия. Это несколько больше, чем в большинстве других стран. Чаще всего такие изменения касались переезда из общежитий или съемного жилья в дом родителей. В большинстве стран, включенных в исследование, значительная доля студентов, живших в общежитии или снимавших жилье, на время пандемии переехали жить к родителям. Исключение составляют Дания, Финляндия, Германия, Исландия и Швеция, где большинство студентов, живших в общежитиях, остались на прежнем месте.

Негативные изменения в материальном положении в России оказались сильнее, чем в среднем по Европе (36 % по сравнению с 27 %). Более значительное воздействие на материальное положение студентов пандемия оказала лишь в Израиле (51 %) и в ЮАР (46 %). Таким образом, в результате пандемии выросло неравенство в материальном положении между студентами, особенно в наименее благополучных с экономической точки зрения странах.

Одна из важных причин ухудшения материального положения студентов — сокращение возможностей подрабатывать во время учебы. Вовлеченность студентов в трудовую деятельность существенно различается: в некоторых странах студенты, имеющие работу, составляют лишь небольшую долю (Румыния, ЮАР, Турция, Франция, Португалия), в других же странах работающие студенты — это норма (более 40 % студентов в Чехии, Исландии, Великобритании, Норвегии и Канаде работали до пандемии регулярно, то есть хотя бы 10 часов в неделю или больше, 39 % — в Израиле и Нидерландах, 35 % — в Швейцарии). В России до эпидемии регулярную работу имели 29 % опрошенных студентов. После пандемии в России количество рабочих часов сократилось у четверти занятых. В других странах также наблюдалось сокращение рабочих часов, в первую очередь в тех странах, где работающие студенты составляли большую группу и значимость работы была велика (у 41 % работающих в Чехии, 40 % в Великобритании, 39 % в Швейцарии, Нидерландах и Израиле).

Помимо материальных условий жизни в период пандемии серьезно пострадали социальные связи студентов. В наибольшей степени были затронуты широкие социальные контакты — с друзьями и знакомыми. В меньшей степени пострадали контакты с семьей и родственниками. В России общение с семьей сократилось лишь у 9 % студентов, что существенно меньше, чем в среднем по Европе (21 %). Наиболее сильно семейное общение пострадало в Бельгии (39 %), Нидерландах (30 %), Словакии (33 %), Португалии (31 %) и Франции (24 %). Различия во влиянии пандемии на общение с семьей может быть связано с жилищной ситуацией студентов, проживанием в родительском доме или вне его.

Влияние пандемии на здоровье оценивалось с позиции личного опыта — и как перенесенное заболевание, и как психологическое состояние тревожности, опасение заражения COVID-19 и его последствий для здоровья для себя лично и своих близких. В период опроса доля студентов, лично пострадавших от COVID-19, варьировалась между странами от 2 % до 12 %. В Москве и Санкт-Петербурге доля переболевших студентов составила 7 %. Во всех странах, участвовавших в опросе, тревога и оценка личного риска заразиться или серьезно заболеть в результате заражения была значительно ниже, чем тревога и оценка такого риска для близких.

Пандемия и связанные с ней ограничительные меры привели к существенным изменениям в жизни студентов и повлияли на самые разные стороны их жизни. Для некоторых стран, в частности Испании, Бельгии и Португалии, это влияние оказалось очень широким и всесторонним: среднее значение количества аспектов жизни, затронутых пандемией (всего в подсчет включено 11 параметров), в этих странах самое высокое. В некоторых странах влияние было сфокусировано на отдельных аспектах жизни, например, в Венгрии, Румынии, Кипре, Греции, во всех Скандинавских странах, в Канаде. Россия занимает среднее положение по количеству затронутых пандемией сторон жизни студентов.

Психозоциальные и поведенческие реакции студентов на пандемию

Общая ситуация с коронавирусом, а также изменения в условиях жизни, образе жизни, общении и учебе сказались на социально-психологическом состоянии

студентов и их поведенческих стратегиях. Для измерения психоэмоциональных реакций студентов в исследовании использовалась модифицированная Шкала депрессии Центра эпидемиологических исследований CES D8 [Radloff, 1977]. Поведенческие реакции оценивались с помощью показателей частоты получения физической нагрузки умеренного и интенсивного уровня, частоты и количества употребления табачных изделий, алкоголя и наркотиков (см. табл. 2).

Таблица 2. **Психоэмоциональные и поведенческие реакции студентов на пандемийную ситуацию**

	Россия (Москва, Санкт-Петербург)	Европа (20 стран)	Америка (Канада)	Ближний Восток (Израиль, Турция)	Африка (ЮАР)
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ					
% тех, кто ощущал себя таким образом большую часть времени или все время в последние 7 дней:					
— Не могли собраться, мобилизовать себя	63	34	24	35	43
— Чувствовали, что все, что Вы делаете, дается Вам с трудом	50	32	30	50	45
— Были счастливы	46	50	51	33	35
— Грустили	43	24	21	34	40
— Чувствовали себя спокойно и умиротворенно	43	38	31	26	22
— Получали удовольствие от жизни	42	45	53	26	27
— Чувствовали себя оторванным от других людей	41	34	35	38	46
— Чувствовали разочарование	40	39	39	36	63
— Не хватало общения	40	40	32	37	36
— Чувствовали тревогу	39	32	38	38	57
— Было скучно	35	33	35	55	46
— Чувствовали себя одиноко	33	24	26	30	41
— Чувствовали депрессию	31	25	22	37	40
— Беспокойно спали	29	33	33	41	49
Общий индекс депрессии (средняя по индексу от 0 до 10)	4,79	4,48	4,35	5,71	6,30

	Россия (Москва, Санкт-Петербург)	Европа (20 стран)	Америка (Канада)	Ближний Восток (Израиль, Турция)	Африка (ЮАР)
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ					
<i>Разница до и во время пандемии:</i>					
— Стали чаще курить	6	4	3	5	2
— Стали больше курить (количество сигарет), среди курящих	26	23	36	26	13
— Стали чаще пить алкоголь	10	7	8	5	5
— Стали больше пить алкоголя	11	10	12	6	6
— Стали принимать (больше) наркотиков	1	2	8	2	4
— Сократилась частота, когда получали серьезную физическую нагрузку	38	33	37	35	44
— Сократилась частота, когда получали уме- ренную физическую нагрузку	55	39	43	49	56

Психозмоциональные реакции студентов на пандемийную ситуацию в разных регионах мира были в целом схожи. Они характеризуются противоречивостью, изменчивостью и неоднородностью переживаемых чувств и эмоций. Чаще всего участники исследования ощущали постоянно или большую часть времени апатию и скуку — 74% (отметили хотя бы один из признаков — было скучно, не могли собраться, все дается с трудом). Такая реакция особенно характерна для россиян. Признаки депрессии (хотя бы одно из проявлений — тревожность, беспокойный сон, грусть, разочарование) возникали у 63% студентов в Москве и Санкт-Петербурге. Такой психологический ответ на пандемию характерен и для других стран, однако в меньшей степени он был выражен в северных государствах Европы. Более половины опрошенных студентов в России (57%) страдали от социальной изоляции (хотя бы один из признаков — нехватка общения, оторванность от людей, чувство одиночества). В других странах такая реакция также была свойственна более чем половине студентов, меньше всего страдали от изоляции студенты Северной Европы. Несмотря на травматические события, чуть менее 60% опрошенных Москвы и Санкт-Петербурга испытывали положительные эмоции во время пандемии — получали удовольствие от жизни, чувствовали счастье, умиротворение.

Поведенческими реакциями на пандемийную ситуацию стали увеличение табакокурения, употребления алкоголя, наркотиков, а также сокращение физических нагрузок. По субъективным оценкам студентов, в России во время пандемии частота курения увеличилась на 6%, а количество выкуриваемых сигарет — еще более значительно: стали выкуривать больше сигарет 26% опрошенных. В других странах, включенных в исследование, поведение в отношении курения было сходным, за исключением

Канады, где количество потребляемого табака увеличилось более значительно — у 36 % студентов, и ЮАР, где такое увеличение было гораздо меньше — у 13 %.

Отреагировали на пандемию увеличением частоты потребления алкогольных напитков 10 % студентов в России, что несколько больше, чем в среднем по Европе (7 %), и почти в два раза больше, чем в странах Ближнего Востока (Израиле и Турции) и ЮАР (5 %). Стали употреблять больше алкоголя 11 % опрошенных студентов в России, что близко к показателям Канады и средней по Европе, но больше, чем на Ближнем Востоке и в ЮАР. Увеличение потребления наркотиков в России находится на уровне 1 %, в среднем по Европе — 2 %, в Канаде — 8 %, в странах Ближнего Востока — 2 % и ЮАР — 4 %. Оценить изменения в употреблении наркотиков во время пандемии методом опроса довольно трудно из-за малой доли тех, кто признался в употреблении. В целом к точности и надежности субъективной информации в отношении рискованного поведения в опросах нужно относиться с осторожностью из-за высокой когнитивной нагрузки этого вопроса, его щепетильности (сенситивности) и эффекта социального давления. Однако общее направление и межстрановые различия по этим показателям вполне поддаются оценке.

Помимо увеличения рискованного поведения во время пандемии довольно сильно снизился уровень физической активности студентов. В России более трети студентов (38 %) отметили, что стали реже давать себе интенсивную физическую нагрузку, а 55 % стали реже проявлять умеренную физическую активность. Такая реакция на карантинные меры характерна практически для всех стран в исследовании: серьезная физическая нагрузка снизилась в среднем у 33 % студентов в Европе, 37 % в Канаде, 35 % в странах Ближнего Востока и 44 % в ЮАР. Влияние пандемии на умеренную физическую нагрузку помимо России было самым высоким в ЮАР (56 %), несколько ниже в странах Ближнего Востока (49 %) и Канады (43 %), среднее значение по Европе составило 39 %.

Насколько велики межстрановые различия в социальном влиянии пандемии на студентов и от чего они зависят

Распространение вируса COVID-19 и ограничительные меры, принятые в разных странах, привели к изменению разных сторон жизни студентов, при этом масштаб таких изменений был неодинаков. Чтобы оценить общее влияние пандемии, был построен кумулятивный Индекс социальных последствий пандемии на жизнь студентов (ИСПП), включающий два аспекта: психологическое влияние и влияние на условия жизни и учебы. Психологическая составляющая измерена с помощью Индекса депрессии от 0 до 10 (см. табл. 2). Составляющая условий жизни и учебы представляет собой индекс из трех параметров с равным весом по шкале от 0 до 10: а) изменение качества обучения (один вопрос — насколько согласен или не согласен с утверждением «Качество обучения в вузе стало хуже, чем до эпидемии COVID-19», шкала от 0 до 3); б) изменение финансового положения (вопросы «У меня было достаточно средств на покрытие обычных ежедневных расходов до эпидемии / во время эпидемии COVID-19», построена шкала от 0 до 3, где 0 — достаточно и увеличилось, 3 — недостаточно и уменьшилось); в) частота социальных связей с близким и широким кругом («Вы стали больше или меньше общаться с семьей / общаться с друзьями — лично или онлайн со времени введения ограничительных мер

из-за COVID-19?» — ответы преобразованы в шкалу от 0 до 3, где 0 — больше или также общаются и с близким, и с широким кругом, 3 — общаются меньше и с семьей, и с друзьями). Общий Индекс социальных последствий пандемии (ИСПП) построен как сумма двух составляющих с равным весом, стандартизированная в шкалу от 0 до 10, где 0 означает отсутствие влияния, 10 — наибольшее влияние.

Межстрановые различия в Индексе ИСПП довольно велики — варьируются от значения 3,5 в Исландии до 6,3 в Турции (см. табл. 3). Страны условно можно разделить на три группы по степени общего влияния пандемии на жизнь студентов. Первую группу составляют страны, где оно оказалось очень сильным (значение ИСПП больше 5 по шкале от 0 до 10): с большим отрывом Турция и ЮАР, за ними Португалия, Испания, Италия, Израиль, Великобритания и Бельгия. Вторую группу составляют страны, где влияние пандемии находится на средне-умеренном уровне. К ним относится Россия, а также Канада, Нидерланды, Греция, Кипр, Словакия, Венгрия, Чехия и Румыния (значение ИСПП от 4 до 5). Наименьшее значение Индекса (меньше 4) в Скандинавских странах, Франции, Германии и Швейцарии.

Чтобы глубже понять причины, которые способствовали обострению или смягчению влияния коронавируса на студенческую молодежь в разных странах, были рассмотрены две группы факторов — на страновом и индивидуальном (внутри-страновом) уровне.

На межстрановом уровне проверено влияние на ИСПП факторов из четырех групп: эпидемиологические, карантинные, социально-политические и психологические (см. табл. 3).

Регрессионный анализ позволяет получить общее представление о взаимосвязи изучаемых факторов с ИСПП (провести более точную оценку не позволяет небольшой размер выборки на макроуровне — 24 страны в анализе). Эпидемиологические и карантинные факторы, то есть объективные обстоятельства пандемии, являются статистически незначимым в отношении межстрановых различий в уровне социальных последствий пандемии для студентов (см. табл. 3). Наиболее важными в отношении влияния коронавируса на жизнь студентов оказались социально-политические факторы и общая социально-психологическая атмосфера в обществе — доверие системе здравоохранения, общий уровень субъективного благополучия и доверие государственным и политическим институтам. В странах, где уровень институционального доверия и общего субъективного благополучия были выше до пандемии, социальные последствия кризисной ситуации для студентов оказались более мягкими, чем там, где эти показатели были ниже. Смягчающее влияние этих факторов может быть связано с тем, что они отражают ожидания эффективных действий со стороны властей, социальной поддержки, придают уверенность в позитивном исходе кризисной ситуации. Даже в странах с серьезной эпидемиологической ситуацией во время коронавируса и длительными карантинными мерами социальные последствия для студенчества были не слишком ощутимы, например, в Швейцарии и Германии. И, напротив, в ряде стран, где эпидемиологическая угроза была умеренной или низкой, но уровень институционального доверия, доверия системе здравоохранения и субъективного благополучия невысок, социальные последствия ситуации оказались довольно серьезными, в частности в Португалии, Греции и ЮАР.

Таблица 3. **Макространовые факторы и Индекс социальных последствий пандемии на жизнь студентов ИСПП⁵**

СТРАНЫ	ИСПП (средняя по шкале от 0 до 10)	ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		КАРАНТИННЫЕ ФАКТОРЫ	ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА	СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		
		Заражения (на 100 тыс.)	Смертность (от зараженных, на 1000)	Кол-во дней локдауна	Уровень субъективного благополучия (средняя 0—10)	Уровень институционального доверия (средняя по Индексу 1—10)	Уровень межличностного доверия (средняя по шкале 1—3)	Доверие системе здравоохранения (средняя по шкале 1—7)
Исландия	3,5	493	3	0	7,6	6,4	2,3	4,6
Швейцария	3,6	357	21	41	7,5	8,1	2,2	5,2
Норвегия	3,8	157	4	15	7,3	8,7	2,5	4,8
Германия	3,9	218	10	56	7,3	6,8	1,9	4,5
Дания	3,9	204	10	31	7,5	7,4	2,5	5,1
Швеция	3,9	373	42	0	7,3	8,0	2,3	4,9
Финляндия	4,0	126	6	16	7,9	7,4	2,4	4,8

⁵ Примечание:

Уровень заражения COVID-19 — количество заражений на 100 тыс. человек, уровень смертности от COVID-19 — доля смертей на каждые 100 тыс. жителей на 31 мая 2020 г. Подсчеты авторов на основе данных Yandex DataLens Public, дашборд Johns Hopkins University, 2020. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=0Ze&utm_source=cbmain (дата обращения 15.11.2022.)

Длительность локдауна: Количество дней локдауна. Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/COVID-19_lockdowns_by_country (дата обращения 15.11.2022).

Общий уровень субъективного благополучия в обществе. Индекс счастья, средняя по шкале от 0 до 10. Источник: World Happiness Report, 2021. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2021> (дата обращения 15.11.2022).

Уровень институционального доверия: среднее значение Индекса по стране по данным WVS/EVS 7 волна 2017—2021 г. Индекс включает доверие национальному парламенту, национальному правительству и судебной системе, построен как сумма составляющих с равным весом, стандартизировано в шкалу от 1 до 10 (1- низкое доверие, 10 высокое). Источник: подсчеты авторов по базам данных WVS волна 7, URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> и EVS волна 5 URL: <https://www.esis.org/en/services/finding-and-accessing-data/european-values-study/5th-wave-2017> (дата обращения 15.11.2022).

Уровень межличностного доверия по вопросу «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношении с людьми?», преобразован в шкалу 1 до 3 (1 нужно быть осторожным, 2 — где-то посередине, не определились с мнением, 3 — можно доверять). WVS/EVS 7 волна 2017—2021. Источник: URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения 15.11.2022).

Доверие системе здравоохранения: среднее значение по стране на вопрос «В какой мере Вы доверяете системе здравоохранения ___ СТРАНЫ?», ответы по шкале от 1 до 7. Источник: ISSP 2011. URL: https://search.gesis.org/research_data/ZA7600 (дата обращения 15.11.2022). *НД — нет данных (Канада не включена в данное исследование, страна не включалась в регрессионный анализ).

СТРАНЫ	ИСПП (средняя по шкале от 0 до 10)	ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		КАРАН- ТИННЫЕ ФАКТОРЫ	ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА	СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		
		Заражения (на 100 тыс.)	Смертность (от заражен- ных, на 1000)	Кол-во дней локдауна	Уровень субъективного благополучия (средняя 0—10)	Уровень инсти- туционального доверия (сред- няя по Индексу 1—10)	Уровень меж- личностного доверия (сред- няя по шкале 1—3)	Доверие систе- ме здравоохра- нения (средняя по шкале 1—7)
Франция	4,0	283	43	55	6,7	6,0	1,5	4,8
Румыния	4,1	100	7	48	6,1	4,9	1,2	3,6
Чехия	4,2	87	3	27	6,9	4,8	1,5	4,4
Венгрия	4,2	40	5	13	6,0	6,1	1,6	3,8
Канада	4,4	242	22	57	7,0	6,3	1,9	НД*
Кипр	4,4	76	1	20	6,3	5,6	1,2	3,6
Греция	4,6	27	2	42	5,8	4,7	1,2	3,4
Словакия	4,8	28	1	14	6,5	5,6	1,4	3,8
Россия	4,9	282	3	33	5,5	6,5	1,5	3,6
Нидерланды	5,0	268	34	22	7,5	6,0	2,2	5,0
Израиль	5,1	185	3	14	7,2	4,8	1,5	4,6
Италия	5,2	392	56	70	6,5	5,4	1,6	4,2
Бельгия	5,3	506	82	47	6,8	6,1	1,7	5,2
Великобра- тания	5,7	383	78	103	6,8	6,4	1,8	4,9
Испания	5,7	506	57	56	6,5	5,5	1,8	5,0
Португалия	6,0	316	14	14	5,8	5,9	1,3	4,3
ЮАР	6,3	55	1	35	5,0	6,8	1,5	4,4
Турция	6,3	194	5	4	4,9	8,2	1,3	4,9

Регрессионное моделирование, зависимая переменная — ИСПП

СТРАНЫ	ИСПП (средняя по шкале от 0 до 10)	ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		КАРАН- ТИННЫЕ ФАКТОРЫ	ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА	СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		
		Заражения (на 100 тыс.)	Смертность (от заражен- ных, на 1000)	Кол-во дней локдауна	Уровень субъективного благополучия (средняя 0—10)	Уровень инсти- туционального доверия (сред- няя по Индексу 1—10)	Уровень меж- личностного доверия (сред- няя по шкале 1—3)	Доверие систе- ме здравоохра- нения (средняя по шкале 1—7)
Нестандар- тизирован- ные коэфф Beta регрес- сионного анализа		,00	,00	,00	-1,13	-,35	,38	1,07
Стандарти- зованный коэффици- ент Beta		-,05	,14	-,05	-1,10	-,47	,19	,69
P-value (** — на уровне 0,05, * — на уровне 0,1)		,81	,58	,77	,00**	,06*	,60	,01**
R ² adj.	0,653							
N	24							

Помимо межстрановых макрофакторов, рассмотренных выше, на социальные последствия пандемии для студентов оказали влияние индивидуальные факторы на внутристрановом уровне. Анализ таких факторов был проведен на примере России. В качестве факторов выступали социально-демографические параметры и характеристики обучения: пол респондентов, курс обучения, направление обучения, оплата обучения (бюджетное или платное), доход. Анализ межгрупповых различий проведен методом оценки значимости различий между средними — t-test и chi-squared test.

Наибольшие межгрупповые различия в последствиях пандемии в России были обнаружены между гендерными и доходными группами (см. табл. 4).

Таблица 4. Факторы межгрупповых различий в последствиях пандемии для студентов в России (средняя по шкале от 0—10)

		ПОЛ		КУРС		НАПРАВЛЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ		ОПЛАТА ОБУЧЕНИЯ		ДОХОД	
		Значение (Мужчины)	Оценка различий	Значение (1 курс)	Оценка различий	Значение (социальные, гуманитарные науки)	Оценка различий	Значение (бесплатное обучение)	Оценка различий	Значение (низкий доход)	Оценка различий
1	Индекс ИСПП (средняя по шкале от 0 до 10)	4,5	0,46 (2,36)*	4,8	0,02 (0,11)	4,8	-0,04 (-0,24)	4,7	0,26 (1,38)	6,5	-2,06 (-8,95)**
2	Индекс депрессии (средняя по шкале от 0 до 10)	4,7	0,68 (3,00)**	5,2	0,01 (0,06)	5,2	0,05 (0,25)	5,2	0,15 (0,69)	6,1	-1,08 (-3,95)**
3	Боязнь заразиться лично (средняя по шкале от 0 до 10)	3,3	0,53 (2,56)*	3,6	0,19 (0,86)	3,9	-0,48 (-2,59)*	3,7	-0,02 (-0,11)	3,7	0,06 (0,22)
4	Боязнь заразиться для близких (средняя по шкале от 0 до 10)	6,0	1,02 (4,91)**	6,7	0,10 (0,45)	6,9	-0,35 (-1,90)	6,8	-0,15 (-0,72)	6,7	-0,03 (-0,10)
5	Изменение учебной нагрузки (% увеличилась)	34	3 (0,93)	36	0 (0,01)	40	-10 (10,05)**	34	7 (4,81)*	39	-3 (0,82)
6	Изменение финансового положения (% ухудшилось)	34	3 (0,88)	37	-2 (0,26)	40	-9 (9,47)**	32	12 (12,18)**	89	-63 (234,71)**

		ПОЛ		КУРС		НАПРАВЛЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ		ОПЛАТА ОБУЧЕНИЯ		ДОХОД	
		Значение (Мужчины)	Оценка различий	Значение (1 курс)	Оценка различий	Значение (социальные, гуманитарные науки)	Оценка различий	Значение (бесплатное обучение)	Оценка различий	Значение (низкий доход)	Оценка различий
7	Изменение жилищных условий (% сменил жилье)	27	7 (4,49)*	36	-4 (1,50)	31	3 (0,90)	36	-13 (15,85)**	31	18 (0,15)
8	Изменение времени общения семьей (% сократилось)	10	0 (0,03)	8	2 (0,44)	10	-2 (1,22)	10	-2 (1,46)	12	-03 (1,42)
9	Изменение времени общения с широким кругом (% сократилось)	47	1 (0,06)	45	4 (0,86)	47	3 (0,94)	51	-9 (6,73)*	51	-6 (0,59)
	N после применения веса (референтная группа/ вторая группа),	269/ 731		243/ 757		552/ 448		698/ 302		161 /829	

Примечание: * значимость на уровне $p < 0,05$, ** значимость на уровне $p < 0,01$.

В колонках: значение = значение в референтной группе (указана группа); оценка различий: абсолютное значение разницы между референтной группой и второй группой, в скобках — t-value для категорий 1—4 или chi-squared для категорий 5—9.

Социальные последствия пандемии проявились по-разному и с разной силой для девушек и юношей. Девушки чаще, чем юноши, вынуждены были сменить жилье во время эпидемии (17 % юношей и 34 % девушек). Пандемия серьезно повлияла на психоэмоциональное состояние девушек — Общий Индекс депрессии для девушек составил 4,9 на шкале от 0 до 10 по сравнению с 4,5 среди юношей (различия значимы на уровне $p < 0,01$). Девушки в большей степени, чем юноши, испытывали потерю тонуса во время пандемии, а также более серьезные психологические симптомы — тревожность и депрессию. Такие гендерные различия в психоэмоциональной реакции на пандемию могут быть связаны с высокой восприимчивостью девушек к угрозе заражения. Девушки испытывали тревогу по поводу того, что могут заразиться сами (средняя 3,9 на шкале от 0 до 10), а еще более значительную — что заразятся их близкие (средняя 7,0 на шкале от 0 до 10). Тревожность юношей по этому поводу была значительно ниже (средняя 3,3 за себя и 6,0 за близких). Гендерные различия во влиянии пандемии на другие аспекты жизни студентов оказались статистически незначимы. Поведенческий ответ

на пандемию был значительно сильнее у юношей, чем у девушек: юноши стали курить больше сигарет и потреблять больший объем алкоголя.

Довольно значительные различия во влиянии пандемии были обнаружены в отношении студентов с разным уровнем дохода. Студенты с низким уровнем дохода были затронуты пандемией значительно сильнее, чем более обеспеченные — ИСПП для низкодоходных групп составил 6,5 по шкале от 0 до 10 по сравнению с 4,5 для других групп. Дифференцирующее влияние пандемии на студентов с разным уровнем дохода проявилось не только в отношении показателей условий жизни, но и психоэмоционального состояния — среднее значение Индекса депрессии для студентов с низким доходом составил 6,1 по шкале от 0 до 10 по сравнению с 5,0 среди людей с более высоким доходом. Уязвимое положение с точки зрения дохода имело значимые последствия для условий жизни студентов. Респонденты с низким доходом почувствовали существенные негативные изменения своего дохода во время пандемии — оно еще более ухудшилось у 89% студентов в этой группе по сравнению с негативными изменениями у 26% более обеспеченных групп.

Межгрупповые различия по другим основаниям — курсу обучения, направлению обучения и форме оплаты — оказались статистически незначимы по социально-психологическим параметрам и общему ИСПП. Однако, такие различия были обнаружены в отношении условий жизни и обучения. Студенты социальных и гуманитарных направлений больше, чем студенты, обучающиеся естественным, точным или инженерным наукам, почувствовали увеличение учебной нагрузки (40% студентов по сравнению с 31%) и ухудшение финансового положения. Студенты, обучающиеся платно, больше других почувствовали негативные изменения своего финансового положения (44% по сравнению с 32% обучающихся бесплатно). В свою очередь те, кто учится бесплатно, чаще были вынуждены сменить жилье (36%) и в большей степени почувствовали сокращение общения с широким кругом, друзьями (51%), чем обучающиеся платно. Такие различия во влиянии пандемии на жилищные условия и общение могут быть связаны с тем, что студенты, обучающиеся бесплатно, чаще проживали до пандемии в студенческих общежитиях, где ограничительные меры по борьбе с пандемией были наиболее серьезными.

Обсуждение результатов

Влияние пандемии на жизнь студентов носило многовекторный характер, при этом его направленность в основном была негативной. Проявления пандемии коснулись всех основных аспектов жизни студентов как в России, так и большинстве других стран, входящих в исследование. Как событие глобального масштаба она имела сходные последствия для студенческой молодежи независимо от государственных границ, но размах и глубина влияния зависели от институциональных, культурных и других контекстуальных факторов.

Наибольшие изменения в жизни студентов произошли в сфере обучения — увеличение учебной нагрузки, времени на внеаудиторную работу, а также сокращение личного общения с преподавателями. В субъективных оценках масштаб изменений в учебной нагрузке, наиболее вероятно, преувеличен, о чем говорит существенный разрыв между прямыми субъективными оценками учебной нагрузки

и статистическими подсчетами часов учебной занятости, показанный в данном исследовании. Опасения в ухудшении общего качества образования, высказывавшиеся значительной долей студентов, возможно, связаны с непониманием новых требований, правил и стандартов, растерянностью студентов в ситуации неожиданных изменений. В странах, которые до COVID-19 имели опыт онлайн-обучения, а также там, где в образовательном процессе значительную долю времени занимала самостоятельная работа, обеспокоенность увеличением учебной нагрузки и ее качеством была меньше. Для таких студентов переход на дистанционное обучение не был столь радикален и сопряжен с освоением новых навыков, правил и требований, а также повышенной психологической нагрузкой по сравнению со студентами, которые были готовы к такой форме обучения в меньшей степени. К последней группе относятся и российские студенты, разделявшие такие же проблемы и опасения. Дополнительной сложностью стало общее недоверие системе управления образованием, страхи, что интересы студентов во время проводимых изменений не будут учтены, а переход на дистанционное обучение станет нормой. Сгладить негативные эффекты такой ситуации помогли бы повышение прозрачности в принятии решений в кризисных ситуациях, а также вовлечение студентов в их обсуждение и реализацию.

В литературе по анализу последствий пандемии уделяется много внимания вопросу о социально-психологическом воздействии пандемии. На наш взгляд, такая концентрация на одном аспекте влияния ведет к недооценке других сторон — материальных, профессиональных и связанных с общим качеством жизни. По данным проведенного исследования, именно финансовое положение стало наиболее значимым фактором, обусловившим негативные последствия пандемии для студентов. Наименее финансово благополучная часть студентов понесла самые чувствительные материальные потери, связанные с сокращением возможности для работы и проблемами с жильем, а в результате уязвимость этой группы еще больше увеличилась, как увеличилось и экономическое неравенство в студенческой среде. Более благоприятное материальное положение, напротив, позволило благополучнее пройти через трудности эпидемии, даже если напрямую они не были связаны с материальным обеспечением.

Результаты исследования показали, что пандемия и связанные с ней карантинные и ограничительные меры привели также к увеличению гендерного неравенства среди студентов. Последствия пандемии оказались значительно более серьезными для девушек, чем для юношей. Девушки в большей степени пострадали в отношении социально-психологического состояния, они острее восприняли угрозу заражения, особенно для других членов семьи; больше, чем у юношей, пострадали их материальное положение и условия жизни. Причины гендерных различий в воздействии пандемии еще только предстоит изучить. Такие различия могут быть характерными последствиями именно этой пандемии, но высока вероятность, что девушки в целом более уязвимы в кризисных ситуациях, связанных со здоровьем. Это может быть обусловлено особенностями их социально-психологических характеристик и образа жизни, а также более низкой вовлеченностью в трудовые отношения во время учебы и, как результат, более скромной материальной обеспеченностью, либо с меньшим использованием

компенсаторных практик, таких как рискованное поведение, физические нагрузки, для смягчения воздействия кризисной ситуации.

Исследование показало, что хотя характер и тип влияния пандемии на студенческую молодежь в разных странах в целом схож, масштаб и глубина такого влияния значительно различаются. Общие социальные последствия пандемии для студентов оказались очень велики в одних странах (таких как Турция, ЮАР, Португалии, Испании, Великобритании, Бельгии, Италии и Израиле) и умеренны в других — Германии и Швейцарии, Скандинавских странах. При этом эффекты пандемии не зависят от реальной эпидемиологической ситуации в стране. Например, и в странах с умеренными социальными последствиями уровень заболеваемости COVID-19 был очень разным — от высокой степени зараженности до очень небольшой. Вывод, что непосредственно эпидемиологические факторы и карантинные меры оказывают лишь небольшое влияние на межстрановые различия в уровне социальных последствий пандемии, стал довольно неожиданным. Факторами, которые играют важную роль в смягчении последствий пандемии, оказались доверие государственным и политическим институтам и особенно системе здравоохранения, а также общий уровень психологического благополучия в стране. Какие бы трудности и опасности ни стояли перед страной и людьми, вера в то, что система управления работает ради блага людей, а институты делают все возможное, чтобы каждый получил нужную помощь, общий позитивный настрой помогают проходить их с меньшими потерями.

Список литературы (References)

Алешковский И. А., Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В., Нарбут Н. П., Савина Н. Е. Студенты России об обучении в период пандемии covid-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 211—224.

Aleshkovski I. A., Gasparishvili A. T., Krukhmaleva O. V., Narbut N. P., Savina N. E. (2021) Russian Students about Learning under the COVID-19 Pandemic: Resources, Opportunities and Assessment of the Distance Learning. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 2. P. 211—224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001.
Ananiev B. G. (2001) *Person as a Subject of Study*. St. Petersburg: Piter.

Андрееenkova А. В., Дмитриева Е. В., Носкова А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 272—291.

Andreenkova A. V., Dmitrieva E. V., Noskova A. V. (2022) Perception of School Learning Digitalization and Its Consequences: Research Outcomes of Online Focus Groups with Teachers and Parents of Schoolchildren. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 272—291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990>.

Андрееenkova А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403—426.

Andreenkova A. V. (2020) Digitalization of Social Contacts among University Students in Russia during COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 403—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>.

Гут Ю. Н., Ткаченко Н. С., Доронина Н. Н., Ланских М. В., Худаева М. Ю., Овсяникова Е. А. Динамика влияния самоизоляции на эмоциональное состояние студентов и преподавателей вуза // Перспективы науки и образования. 2021. № 2. С. 340—352.

Gut Y. N., Tkachenko N. S., Doronina N. N., Lanskih M. V., Khudaeva M. Yu., & Ovsyanikova E. A. (2021). Dynamics of the Influence of Forced Self-Isolation on the Emotional State of University Students and Teachers. *Perspectives of Science and Education*. Vol. 50. No. 2. P. 340—352. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.2.23>.

Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / под ред. Торкунова А. В., Рязанцева С. В., Левашова В. К. М.: Аспект Пресс, 2021.

Torkunov A. V., Ryazantsev S. V., Levashov V. K. (eds.) (2021) COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction. Moscow: Aspect Press. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>.

Alawamleh M., Al-Twait L. M., Al-Saht G. R. (2022) The Effect of Online Learning on Communication between Instructors and Students during COVID-19 Pandemic. *Asian Education and Development Studies*. Vol. 11. No. 2. P. 380—400. <https://doi.org/10.1108/AEDS-06-2020-0131>.

Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L. (2020) Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. *Sustainability*. Vol. 12. No. 20. P. 8438. <https://doi.org/10.3390/su12208438>.

Birmingham W. C., Wadsworth L. L., Lassetter J. H., Graff T. C., Lauren E., Hung M. (2021) COVID-19 Lockdown: Impact on College Students' Lives. *Journal of American College*. Vol. 22. <https://doi.org/10.1080/07448481.2021.1909041>.

Bonsaksen T., Chiu V., Leung J., Schoultz M., Thygesen H., Price D., Ruffolo M., Geirdal A. Ø. (2022) Students' Mental Health, Well-Being, and Loneliness during the COVID-19 Pandemic: A Cross-National Study. *Healthcare*. Vol. 10. 996. <https://doi.org/10.3390/healthcare10060996>.

Cao W., Fang Z., Hou G., Han M., Xu X., Dong J., Zheng J. (2020) The Psychological Impact of the COVID-19 Epidemic on College Students in China. *Psychiatry Research*. Vol. 287. 112934. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112934>.

Chen J. H., Li Y., Wu A. M., Tong K. K. (2020) The Overlooked Minority: Mental Health of International Students Worldwide under the COVID-19 Pandemic and Beyond. *Asian Journal of Psychiatry*. Vol. 54. 102333. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102333>.

Dong L., Bouey J. (2020) Public Mental Health Crisis during COVID-19 Pandemic, China. *Emerging Infectious Diseases*. Vol. 26. No. 7. 1616—1618. <https://doi.org/10.3201/eid2607.200407>.

Elmer T., Mepham K., Stadtfeld C. (2020) Students under Lockdown: Comparisons of Students' Social Networks and Mental Health before and during the COVID-19 Crisis in Switzerland. *Plos ONE*. Vol. 15. No. 7. e0236337. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236337>.

Galasso V., Pons V., Profeta P., Becher M., Brouard S., Foucault M. (2020) Gender Differences in COVID-19 Related Attitudes and Behavior: Evidence from a Panel Survey in Eight OECD Countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 117. P. 27285—27291. <https://doi.org/10.1073/pnas.2012520117>.

Gao W., Ping S., Liu X. (2020) Gender Differences in Depression, Anxiety, and Stress among College Students: A Longitudinal Study from China. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 263. P. 292—300. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.11.121>.

Gonzalez T., de la Rubia M. A., Hincz K. P., Comas-Lopez M., Subirats L., Fort S., Sacha G. M. (2020) Influence of COVID-19 Confinement in Students Performance in Higher Education. *PLOS ONE*. Vol. 15. No. 10. e0239490. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239490>.

Nenko Y., Kybalna N., Snisarenko Y. (2020) The COVID-19 Distance Learning: Insight from Ukrainian students. *Revista Brasileira de Educação do Campo*. Vol. 5. e8925. <https://doi.org/10.20873/uft.rbec.e8925>.

Ochnik D., Rogowska A. M., Kuśnierz C., Jakubiak M., Schütz A., Held M. J., Arzenšek A., Benatov J., Berger R., Korchagina E. V., Pavlova I., Blažková I., Konečná Z., Aslan I., Çınar O., Cuero-Acosta Y. A., Wierzbik-Strońska M. (2021) A Comparison of Depression and Anxiety among University Students in Nine Countries during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Clinical Medicine*. Vol. 10. No. 13. 2882. <https://doi.org/10.3390/jcm10132882>.

Radloff L. S. (1977) The CES-D Scale: A Self-Report Depression Scale for Research in the General Population. *Applied Psychological Measurement*. Vol. 1. No. 3. P. 385—401. <https://doi.org/10.1177/014662167700100306>.

Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F. (2020) Effects of COVID-19 on College Students' Mental Health in the United States: Interview Survey Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. e21279. <https://doi.org/10.2196/21279>.

Spagnolo P. A., Manson J. E., Joffe H. (2020) Sex and Gender Differences in Health: What the COVID-19 Pandemic Can Teach Us. *Annals of Internal Medicine*. Vol. 173. P. 385—386. <https://doi.org/10.7326/M20-1941>.

Tasso A. F., Hisli Sahin, N., San Roman G. J. (2021). COVID-19 Disruption on College Students: Academic and Socioemotional Implications. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 9—15. <https://doi.org/10.1037/tra0000996>.

Van de Velde S., Buffel V., Bracke P., Van Hal G., Somogyi N. M., Willems B., Wouters E. (2021) The COVID-19 International Student Well-being Study. *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 49. No. 1. P. 114—122. <https://doi.org/10.1177/1403494820981186>.

Zhai Y., Du X. (2020) Mental Health Care for International Chinese Students Affected by the COVID 19 Outbreak. *The Lancet Psychiatry*. Vol. 7. No. 4. e22. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30089-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30089-4).

Zimmermann M., Bledsoe C., Papa A. (2021) The Impact of the COVID-19 Pandemic on College Student Mental Health: A Longitudinal Examination of Risk and Protective Factors. *Psychiatry Research*. Vol. 305. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2021.114254>.